

Два рассказа

Несправедливость

Так зачем же камень положил
Бог в мою протянутую руку...

Руслана Ларина сидела на диване, грустно глядя в темный пустой экран выключенного телевизора. Боже мой, какая несправедливость! Как жестоко судьба может обращаться с человеком. В ее памяти мелькали события пятнадцатилетней давности.

Вот ее дочь, ее Мила выходит замуж. Сергей, высокий красивый парень, сын председателя крупного колхоза Овидиопольского района, и она, стройная, вся в белом, как березка, раскрасневшаяся от счастья; эх, было от чего прийти в умиление. Вокруг нее выются однокурсницы (Мила училась на пятом курсе медина), шепчутся.

— Вот это пара, — с восхищением сказала Руслане двоюродная сестра Людмила, — поздравляю, Русланка.

Жили молодые прекрасно: Сергей был хорошим мужем, не пил, не курил, не гулял. Зарабатывал скромно (инженер на Спецавтоматике), но тогда этого хватало. Зато отец, Руслана вспомнила широкого, приземистого, с мозолистыми крестьянскими руками Владислава, частенько навещая их, привозил на своей "ниве" заколотого кабанчика или шмат белого как снег сала. Это не считая прочих мелочей.

Поначалу жили у них в трехкомнатной, но когда родился Яша, молодые захотели жить сами и сняли квартиру в доме напротив. Яша. Что за имя? Она тогда стеной встала, но Владислав напирал на сына — назвать мальчика в честь деда. Руслана бы не уступила, если бы не муж. Этот рохля тогда сказал, что раз у людей традиция, можно и уступить. Уступить. Что парню сейчас здесь с таким именем делать? Впрочем, привыкли уже.

А потом перестройка. Муж уже был на пенсии. Милка работала гинекологом в больнице, Сергей копался у себя на заводе, Яша рос у нее, на лето ездил в Красный Луч. Словом, все шло как обычно. Дальше — хуже. Завод почти не работал, зарплату не платили, и Сергей уволился. Новую работу найти было непросто, перебивался случайными заработками. В колхозе тоже все шло наперекосяк, Владислав жаловался, что то ферму за-

крыли, то кормов нет. Денег и сала уже не привозил. Жила семья на Милкину зарплату и Сашин случайный заработок. Руслана тогда принялась нажимать на Сашу: отец семьи должен обеспечить достойное будущее жене и ребенку. И Милке это вдальбивала, тем более что вокруг как мух расплодилось всяких предпринимателей, которые умудрились зарабатывать миллионы. Но парень был из другого теста, ничего путного найти не смог.

И вот Миле предложили съездить на стажировку в Германию. Руслана дочь сразу поддержала — нечего в этой стране штаны просиживать, хоть посмотрит, как люди живут. Впрочем, сильно никто и не возражал. Сергей остался с ребенком, а Милка поехала в Дортмунд. Вернулась через год, всего на две недели, возбужденная, цветущая. Стажировка шла успешно, ей предлагали остаться работать. От здешней жизни успела отвыкнуть, Руслана улыбнулась: в первый день вечером, когда они за столом сидели, дочь пошла в ванную. Через несколько секунд послышался недовольный голос: "Мама, вызовите сантехника, горячий кран не работает".

— Да это не кран, горячая вода до девяти только.

Удивленная Мила выглянула из ванны:

— Как это?.. Ах да, я забыла.

Сергей был не очень доволен, что жена опять уезжает, да еще и неизвестно на какой срок, но работы у него по-прежнему не было, пришлось смириться.

Проходит несколько месяцев, в доме у Лариных звонит телефон. Руслана взяла трубку. Звонила Мила. Спросила, как дела дома. Руслана в двух словах рассказала, добавив, что Саша, как обычно, бездельничает. Она говорила быстро, зная, что междугородний звонок дорого стоит. Но в этот раз Мила не торопилась вешать трубку.

— Мама, — в словах дочери Руслана уловила колебание, — Саша ведь не очень приспособлен к современной жизни.

— Конечно, — возмущенно сказала Руслана, — когда Союз был, так он у отца, как у Христа за пазухой был, да и сам бы инженером не пропал, а сейчас если бы не ты, так, может, по мусорникам бы побирались!

— Мама, — Мила говорила с трудом, тщательно подбирая слова, — мне уже сказали точно, я остаюсь здесь работать.

— Ну и отлично, поздравляю, Милочка!

— Понимаешь, мама, это я буду работать, а пока получу вид на жительство, и вообще, здесь тяжело одной очень.

— Конечно, тяжело, но ты терпи.

— Нет, я не о том. Понимаешь, я встретила человека, очень хорошего

человека. Он хорват, старше меня, но у него свой бизнес, гражданство. Если мы поженимся, то я смогу получить гражданство, вас вызвать.

На секунду Руслане стало страшно, но тут же все выгоды ситуации засверкали яркими лучами новогодней елки. "Она будет жить в Германии. В цивилизации. Да, прочь из этой грязной жестокой страны".

— Милочка, — голос у Русланы дрогнул, — я понимаю тебя. Ты поступаешь правильно. О Яше не волнуйся, я все сделаю.

На следующий день она пошла к Саше, предложила Яше пожить у них, а Саше будет легче работу искать. Самое интересное, что этот простак через месяц работу нашел в каком-то кооперативе. Еще через месяц приехала Мила, а дальше завертелось, закружилось. Они развелись. Саша с горя уволился, несколько раз напился. Руслана тогда рассказала, что за ним эта склонность всегда была, просто скрывал. Солгала, а что делать? Все соседи Милу осуждали, особенно когда узнали (откуда только), что Милкиному хорвату под пятьдесят. А она, бедная, тогда сильно колебалась, могла все бросить. Но Руслана проявила характер, довела дело до конца.

Милка с сыном уехала. Через три месяца, продав две квартиры (свою и покойной бабки), машину, дачу и прочее имущество, уехали и Ларины. Конечно, здесь хорошо. Вот только дорого все. Милочка, бедная, бьется с утра до вечера в этом госпитале. К тому же, здесь плохо к иммигрантам относятся, Мила жалуется, что немцы грубо себя ведут. Не все, конечно, но все же. И хорват этот тоже хорош. Он машинами торгует. Бизнес неплохой, но много денег домой шлет. Милу спрашиваю: почему? Отвечает, что там у него родители, родственники. Родители. О своей семье надо думать.

Яша подросток уже, с девочкой встречается; тоже иммигрантка, русская. Хорошая девочка, но бедная — отец шофер, какое у них будущее? Здесь и за воду, и за газ, и за свет надо хорошо платить. Приходится экономить, да так, что иногда ешь хуже, чем дома. И тут еще это несчастье.

Людмила пригласила ее на месяц погостить. Они уже пять лет как в Германии жили, с Людмилкой все шесть не виделись, решила съездить. Ну, ей про трудности не говорила, расписывала жизнь за границей в красочных тонах. Людмила, конечно, охала, завидовала. Когда Руслана закончила про свою распрекрасную жизнь, сестра принялась за свои новости. Зарплата маленькая, не хватает, но Людмила давно уже, три года как, записалась в "Цептер", там можно кое-что заработать. Сын плавает матросом, нелегко, видятся мало, Вера, ну, соседка Русланкина, в Канаду уехала с сыном...

— Да, что ты знаешь, — оживилась сестра, — отец твоего Сережки-то умер.
— Упокой Господь, — небрежно бросила Русланка, — а сам Сережка где? Спился, небось.

— Да нет, держи карман шире, — усмехнулась Людмила. — Он сперва на свой завод вернулся, "Автоматика" уже работает, а сейчас в Красном Луче живет.

— В деревню переехал?

— И ты бы переехала. Слушай, что расскажу, — от возбуждения глаза Людмилы горели. — Когда Владислав умер, после него осталась земля, конюшня с лошадами, а там и племенные есть, свиноферма. И все это частное.

— Частное? — обмерла Руслана.

— Ну, официально это как долгосрочная аренда, но фактически все Сережке досталось. Представляешь?

Как раскаленный нож вошла эта новость в сердце Лариной. На следующий день она позвонила в Красный Луч сестре Владислава, Вере. Спросила: какие новости, как живут, а потом и про наследство. Но вздорная баба едва об имуществе слышала, сразу отрезала: "Украинские земли гражданам другой страны не даются!" — и трубку положила. Руслана не успокоилась, к адвокату пошла, но в ответ то же неутешительное: если они в разводе, шансов никаких. И вот сейчас, уже в Германии, сидя на диване, Руслана не могла примириться с мыслью, что наследство ускользает из рук.

Вечером, не утерпев, рассказала все Милке. Та в слезы, сгоряча вспомнила, что это мать ее уговаривала мужа бросить, сейчас бы жили безбедно. Но Руслана в долгу не осталась, память ей освежила, что решение дочь принимала сама, она только не оставила, поддержала в трудную минуту. Поплакав и успокоившись, женщины принялись думать.

— Мама, — вспомнила Милка, — а сходите к Генриху.

— Что за Генрих?

— Ну, помните, когда у Милана проблема была, он к адвокату ходил? И говорил, что такой хороший, нахвалиться не мог.

— Да ходила я к адвокату, я же говорила.

— Ну, так то там, а то здесь.

— Ну, так ты бы и сходила, я же по-немецки плохо говорю.

— Да я же на работе все время. А язык не страшно, у Генриха помощник поляк — он по-русски понимает.

И Руслана решила. Все получилось, как Мила рассказывала. Генрих оказался приветливым круглым старичком с широкой улыбкой. Услышав, что фрау Руслана не говорит по-немецки, Генрих засмеялся, сказал, что он

по-русски понимает, у него много клиентов-иммигрантов, но на "трудный случай" пригласил пана Вацлава.

Внимательно выслушав фрау Руслану, Генрих сочувственно вздохнул. Действительно, дело плохо. Семья разъединилась давно, все споры были решены тогда при разводе. К тому же, насколько Генрих знает, с землей в Украине сейчас полная неразбериха.

— Да не надо земли, — всхлипнула Руслана, — мне вообще ничего не надо, все для мальчика. Пусть продадут что-то, отдадут деньгами.

Герр Генрих и пан Вацлав были полны сострадания к бедной фрау, но:

— К сожалению, дело безнадежно. Мы, фрау Руслана, — здесь немец, довольно сносно говоривший по-русски, сделал заминку и щелкнул пальцами, подыскивая слово, — реалисты. Мы не можем давать вам надежду там, где ее нет. Если бы вы имели какое-нибудь упоминание в завещании...

— Как же, упомянет, старый черт, прости, господи, мою душу грешную. А ведь Сережа такой добрый, так любит сына, — эти слова вырвались у Русланы, когда она уже вставала из-за стола.

Пока Вацлав что-то говорил Генриху, она уже дошла до дверей, и тут немец остановил ее. В его хитрых глазках Руслана уловила заинтересованность.

— А что, ваш зять действительно человек мягкий?

— Да из него веревки можно вить!

Тут ей пришлось объяснить адвокатам, что это значит.

— И он любит своего сына?

— Да он рыдал, когда мальчик уезжал.

Тут поляк с немцем быстро заговорили по-немецки. Руслана не поняла ни слова.

— Значит так, пани, — начал Вацлав, когда они с Генрихом закончили обсуждать, — можно попробовать. Конечно, получится, нет, кто знает, но если получится, пани с большой выгодой окажется, а если нет, с малым убытком, так?

— Так.

— Так вот, мы с вами и с дочкой поедем в этот хутор к вашему зятю и попробуем поговорить. Если он добрый человек, то от большого богатства малую часть отдать он может. А мы тут же бумагу напишем, чтобы он не передумал потом. Пани согласна?

"Еще бы она не согласилась! Поедет, поговорит с Сергеем, не зверь же он. Вот только Милка ехать наотрез отказалась. У нее, видите ли, работа! Знаем мы эту работу. Просто боится ехать. Конечно, там бабы языкатые,

враз косточки перемоют, а что делать? Привыкла, что мать за нее пашет. Ладно, справятся вдвоем с Вацлавом. Адвокат тоже не прост. Двадцать процентов в случае успеха! И сейчас тоже некоторую сумму возьми и заплати. Ну да ладно, потерпим, лишь бы дело выгорело".

Ехали на машине Вацлава. По немецким гладким как зеркало дорогам "Volkswagen Passat" шел далеко за сто. На Украине стало хуже. И дороги разбиты, и народ угрюмый, лишний раз остановиться боишься. У Русланы сильно затекла спина, ныли ноги. Но несмотря ни на что на третий день под вечер они благополучно прибыли в Красный Луч. За семь лет, что Руслана здесь не была, она и дорогу забыла, пришлось спрашивать. Но ничего, доехали. Зато дом Владислава нашла сразу.

Саша был дома, с матерью. Старая не ответила на приветствие Русланы, только зыркнула глазами и пошла греметь кастрюлями. А Сергей ничего: поздоровался, к столу пригласил. Посидели, поели, о том о сем поговорили. Руслане не терпелось к делу приступить, но старуха хоть за стол не садилась, все время крутилась рядом. Но вот старая карга вышла за дверь, и Руслана, не теряя времени, принялась рассказывать, как тяжело жить в Германии, как все дорого, как убивается бедная Мила. При упоминании о бывшей жене, Саша нахмурился, и Руслана решила потянуть за другую нить.

— Яша такой хороший мальчик, уже с девочкой встречается, пожениться думают. Девочка русская, тоже небогатая. В Германии жить не хотят, думают на родину ехать. Только не решили, в Россию или в Украину. А мы, родители, им: "Ну куда вы поедете, ведь ни квартиры, ни денег же нет, как жить думаете?". Они не слушают.

Тут Сергей еще ниже опустил голову, и Руслана решила, что пришла пора решительных действий.

— Сережа, ты понимаешь, что было, то было, кто не прав, время рассудит. Но ты скажи, ты Яшу своим сыном считаешь?

— Конечно, — бывший зять поднял голову, — конечно, он — мой сын.

— Тогда не оставь его. Мила, понятное дело, ничего не хочет и не просила бы тебя ни о чем, но я ради Яши прошу: дай ему что-то из дедова наследства. Мы имеем право на свою долю, вот и адвокат тебе скажет.

Вацлав кивнул головой с важным видом.

— Но ты сам реши: сколько и что ты можешь.

Сергей молчал. Руслана даже дыхание затаила — сейчас решалось все.

— Ладно, — наконец сказал Сергей, — я согласен. Но только Яше.

— Пан Сергей, — осторожно подал свой голос Вацлав, — чтобы вы не

сомневались, мы можем составить бумагу, где прямо укажем, что все, что вы согласны передать, пойдет вашему сыну и только ему.

Это была ловушка, теперь получалось, что составлять бумаги требовалось для Сергея, а не для них.

— Хорошо.

Дело продвигалось прекрасно. Руслана с облегчением вздохнула. Мысленно она представляла себя владелицей свинофермы. "Кто знает, может, она завалит Германию тушенкой со своим изображением".

Но мать Сергея вышла не зря. Едва пан Вацлав полез в портфель за бланками, как дверь открылась, и в комнату заглянула копна черных как смоль волос — Верка.

— Руслана, здравствуй.

— Здравствуй, Вера, — ележно ответила Руслана, предчувствуя беду.

Но все обошлось.

— Там сейчас Милка звонила, беги до нас, через пять минут перезвонит.

Руслана спохватилась:

— Что еще стряслось?

— Да я откуда знаю? Беги к нам, там стара сидит в хате, и жди звонка.

— Пан Вацлав, я сейчас.

И Руслана выбежала из комнаты.

Пока Руслана с Вацлавом обрабатывали Сергея, его мать побежала к Вере.

— Вера, любушка, спасай, там эта дочь антихриста приехала с нимцем адвокатом, судиться с Сергеем за отцово наследство будут!

— Вот змеюка, — всплеснула руками Вера, — ведь она звонила мне, я ее отбрила. Видно, мало! Ну, я ей дам.

Наказав старой сидеть дома, Вера ринулась на улицу. Спровадив Руслану нехитрым образом, она принялась думать, что сделать с адвокатом. К счастью, Вера знала, где найти мужа. Вбежав в дом Миколы-вдовца, она со всей силы толкнула дверь. Тяжелая дверь распахнулась, и ее взору предстали три богатыря — Микола, Генка-тракторист и несравненный Богдан. Вся троица застыла с поднятыми рюмками.

— Сидите, — зловещим тоном начала Вера.

— Так, Вера, — робко начал муж.

— Сидите, — повторила Вера, — все на свете пропить готовы!

— Верусь, да брось ты, — засмеялся Генка, — сядь с нами, выпей рюмку, совсем мужика затюкала.

— Да я сяду, — сделала смиренный вид Вера, — Сережу только жаль.

— А что с Сергеем? — насторожился Богдан.

— Приехала сейчас Русланка из Германии, притащила адвоката, надели на него с двух сторон, хотят наследства Владислава.

У мужиков рты от удивления открылись.

— Во дает! Ну Русланка! Из Германии адвоката приволокла.

Они бы еще долго болтали, но Вера живо пресекла болтовню:

— Вы поболтайте, поболтайте. Они как раз бумаги и подпишут.

Они аж подскочили.

— Что делать будем, Микола?

— Что делать, — Вера задохнулась от ярости. — Руслану я уже спроводила. А вы бегите да напните бока адвокату. А я сбегаю да приведу еще наших.

Пан Вацлав только приготовил бумаги, разложил их на столе, как в дверь опять постучали. Он думал, что это пани Руслана, но в комнату заглянул неизвестный ему мужик с красным носом.

— Здравствуй, Сережа, — поздоровался мужик.

— Здравствуйте, дядя Богдан.

— Господин адвокат, — вежливо попросил Богдан, — на пару слов.

Пан Вацлав с неохотой выбрался из-за стола: он предчувствовал затруднение в их деле. Вся суть успеха заключалась в стремительности и внезапности. А если весть об их приезде разнесется по селу, могут начаться толки, споры, и Сергей может заупрямиться. Впрочем, как учил его Генрих, в любых условиях надо улыбаться. Но улыбка быстро сползла с лица поляка, когда он увидел, что вместе с Богданом стоят еще двое красноносых.

Руслана места себе не находила. Она ждала звонка уже пятнадцать минут. Дернул же черт Милку позвонить в такой момент! Вацлав с Сергеем там одни, и Верка сейчас все разузнает. Нет, надо бежать! В этот момент зазвонил телефон. Руслана схватила трубку:

— Алло!

— Алло, Вера, дай Богдана.

— Да нет его, — крикнула она и бросила трубку на рычаги.

Еще две минуты ждет — и все.

— Господин адвокат приехал с Русланой? — вежливо поинтересовался Генка.

— О, да, — кивнул пан Вацлав, постепенно обретая присутствие духа.

— Из Германии?

— О, да.

— Что ж пани Руслана не нашла адвоката здесь? — с издевкой поинтересовался Генка, делая шаг вперед.

— Законы одни, — запинаясь и с сильным от волнения акцентом проговорил пан Вацлав.

— Это верно, законы одни, — с угрозой сказал Микола, заходя сзади.

— Так чтобы пан адвокат не занимался бесчестными делами, хотим передать ему вот!..

Генка сильным ударом кулака заставил согнуться поляка почти вдвое. Следующие пять минут пан Вацлав издавал звуки, какие издают все люди, когда их бьют, правда, с акцентом. Руслана подросла как раз в тот момент, когда провожаемый улюлюканьем и насмешками пан Вацлав бежал к машине. К тому времени к месту драки сбежалось немало односельчан. Руслане пришлось выдержать яростную, но неравную схватку с женщинами поселка. Вера тем временем напустилась на вышедшего на шум Сергея.

— Как телок малый, — негодовала она. — Для того отец твой горб гнул, чтобы эта немецкая шлюха теперь себе все заграбастала! Кто ты был, когда ты просто инженером работал? Алкашом, тунеядцем! Теперь снизошли до тебя, приехали. А за старика, который ей в отцы годится, она по любви пошла?!

Тетка еще долго учила нерадивого племянника, время от времени вспоминая и Руслану, которая, в конце концов, не выдержала и пошла прочь. Идти ей было некуда, и она направилась на берег реки. Сельчане стояли возле хаты, качали головами, волновались. Среди них был и дед Никодим, участник войны. Качая головой, Никодим медленно шел домой. Он не все понял из многочисленных разговоров сельчан, так как почти не слышал, но пара слов дошли до его сознания: земли, немецкий адвокат, судиться... "Что ж, немцы приходили за землями на Украину в сорок первом, пришли и сейчас. Только тогда они шли с автоматами, а сейчас с хитрыми законами и золотом".

Пан Вацлав пылал жаждой мщения. "Проклятые дикари". Он тридцать лет жил в чужой Германии, и так с ним еще никто не поступал. Ладно, закон есть и в этой стране. Проезжая поворот, он видел одноэтажное здание с надписью "милиция". "Вы еще пожалеете, что связались с паном Вацлавом!"

Большая часть народа уже разошлась, Верка еще не закончила отчитывать племянника, когда в конце улицы, поднимая столб пыли, показался знакомый зеленый "Volkswagen". Хлопнули дверцы, из машины вышли

пан Вацлав и капитан Фомийчук. Тяжело ступая, Фомийчук, следуя указанию Вацлава, подошел к группе, где стояли Микола, Генка и Богдан. Пан Вацлав быстро шепнул капитану что-то на ухо и побежал в дом за оставленным имуществом. Портфель и бумаги были на месте. Побросав бумаги в портфель, пан Вацлав поспешил обратно.

— Ну, что, Кушнир, допрыгался с ребятами? — мрачно спросил Фомийчук. — Ты хоть знаешь, кого вы избили?

— Извини, Васильич, выпили малость, — со смирением вздохнул Генка.

— А это только усугубит вашу вину.

— Так-то оно так, а все же сам посуди. Отец этого немца здесь карателем был. И ему сам Гиммлер посулил эти земли. Теперь этот наследник приезжает и требует свою долю.

Есть в борьбе понятие: запрещенный прием. Все, знающие капитана Фомийчука, поняли, что сейчас Генка сделал по отношению к нему запрещенный прием.

Капитан Фомийчук родился в тридцать девятом году; матери не помнил, умерла при родах. Жил с отцом и бабкой. В сорок втором бабка умерла. До сорок четвертого малец бродил по селу, просил подавание. В сорок четвертом чудо — вернулся отец. Танкист, горевший под Курском, изуродованным лицом напоминал чудовищ из сказок. Но для Васи он был самым ангелом хранителем, спустившимся с небес защитить свое бесприютное чадо. Отец был для Васи всем и когда, выпив с мужиками, он начал вспоминать Курск, Прохоровку, мальчик слушал, впитывая каждое слово. Отец сильно болел и умер, когда Васе было двенадцать. Мальчик мечтал вырасти, стать танкистом, отомстить фашистам за отца. Жизнь распорядилась иначе. Армия, десантные войска, потом милиция. Но сейчас, услышав, что немецкий гад приехал за землей, где похоронен отец, Фомийчук на секунду потерял контроль. Пан Вацлав вышел из дома и аж присел, увидев налитые кровью глаза капитана.

— Немецкая сволочь, — услышал он, а потом увидел, как рука Фомийчука потянулась к кобуре.

Пан Вацлав взвизгнул и бросился бежать, Генка с Миколой кинулись держать обезумевшего представителя власти. И в этот момент грохнул выстрел. Нет, это был не пистолет капитана, это выстрелила старая "тулка" деда Никодима. Увидев, что проклятый тевтон взялся за дело всерьез, дед Никодим решил защищать Родину. Руки у старого охотника тряслись, вряд ли он попал бы в танк с пятидесяти метров, поэтому он направил ружье повыше и нажал на спусковой крючок.

Пуля полетела высоко вверх, но бедному пану Вацлаву показалось, что она просвистела над самым его ухом. Ноги его заработали с удвоенной скоростью. Подобно хорошему ковбою в плохом вестерне, который лихо вскакивает в седло, пан Вацлав впрыгнул в свой "Volkswagen".

Заревел мотор, и пыльная машина, взяв с места высокую скорость, понеслась по улице. Она пролетела мимо пани Русланы, спешившей узнать, что за выстрелы в деревне, обдав ее облаком пыли. И еще долго, но безуспешно махала пани Руслана руками в надежде остановить своего спутника.

"Так вот она — украинская мафия, — испуганно думал пан Вацлав, с силой нажимая на педаль газа. — Полицейский, представитель власти пытается убить меня на глазах у жителей хутора! Теперь, если я поеду обращаться в полицию, меня обвинят в торговле наркотиками и расстреляют. Нет, домой, и как можно скорее".

Испуганному адвокату несколько раз казалось, что его преследуют. Тогда он выжимал из несчастной машины все, что возможно. Темный "Volkswagen" пытались остановить на одном из постов ДАИ, но машина с грязными номерами пронеслась, как метеор, мимо отчаянно сигнализирующего жезлом инспектора.

Лишь к вечеру пан Вацлав немного успокоился и решил заночевать в гостинице. Впрочем, через три часа беспокойного сна он вскочил и поехал дальше. Дорога домой заняла в полтора раза меньше времени, чем дорога в Красный Луч.

Мы не знаем, что сказал пан Вацлав герру Генриху по возвращении. Мы также не знаем, что пришлось вынести бедной Руслане, так как доподлинно известно, что ей пришлось заночевать в деревне, в доме у Веры. Но нам точно известно, какой разговор состоялся, когда она вернулась в Дортмунд и пришла к герру Генриху.

Вначале она обвиняла пана Вацлава в том, что он бросил ее, а пан Вацлав оправдывался, что его пыталась убить украинская мафия. Герр Генрих считал, что пан Вацлав несколько преувеличивает опасность. Но когда фрау Руслана подтвердила, что она слышала выстрел, он удивился:

— Неужели они рассчитывали, что можно безнаказанно убить немецкого адвоката? А расследование? Нашли бы тело.

— Да кто нашел бы? — зло бросила фрау Руслана. — Закопали бы в плавнях, сто лет бы искали — не нашли.

От неожиданности герр Генрих едва не лишился речи:

— А представители власти, полиция?

— Да они же кормятся все от села! Вот и покрывают друг друга.

— Но, фрау, это же и есть мафия! Когда представители власти соединяются с бандитами...

Когда фрау Руслана вышла из конторы, хлопнув на прощанье дверью, герр Генрих облегченно вытер лоб. "Варварская страна. Я думал, что бедный Вацлав преувеличивает, а тут: "закопали бы, и никто не нашел!". Надо будет выдать Вацлаву небольшую премию". Тут герр Генрих вспомнил, что фрау Руслана не оплатила последний счет на пятьдесят марок. Он уже думал позвонить Милану, но потом раздумал — сумма невелика, а тревожить фрау Руслану из-за пустяка — наживать неприятностей. В конце концов, он не в убытке от этого дела.

Вечером Руслана зашла к дочери и рассказала ей подробности. Мила чуть не заплакала, когда узнала, что деньги были почти в кармане.

— Зачем ты мне звонила, скажи на милость? — поинтересовалась мать.

— Да не звонила я вам!

Руслана только вздохнула, сообразив, как просто ее провели.

— Мама, вы же умная женщина, — со слезами начала Мила.

— Да? Надо было самой ехать лаяться, — отрезала мать.

Сама она думала, что зря она связалась с этим рохлей адвокатом. Сестру Людмилку бы туда! Вместе они бы сумели справиться с любыми сельскими бабами.

Друг

— Кофе будешь?

— Нет, не хочу.

— А я выпью, — Витя встал, подошел к столу и с силой вдавил кнопку электрочайника.

Вова оттолкнулся левой ногой от стола, сделал полтора оборота на своем стуле, потом крутнулся в обратную сторону. На часах было двенадцать пятнадцать. В воздухе висела напряженная тишина.

Работа делилась на будни и на дни "нала". В будни они втроем — Витя, Вова и Саша — сидели в магазине, торговали детскими игрушками. А в дни "нала" кто-то один, согласно очереди, ехал на место, получал, передавал товар, забирал деньги. Иногда, когда требовали обстоятельства, надо было ехать вдвоем, но это редко. Сегодня был день "нала".

Раздался щелчок — кипятильник выключился. Витя налил кипяток в чашку, потом посмотрел на часы: двенадцать двадцать.

- Еще пятнадцать минут.
- Знаю, — меланхолично ответил Вова.

Опять тишина, нарушаемая лишь скрипом стула, Витиным кряхтением — он пил горячий кофе. Вообще, ждать звонка в дни "нала" было довольно мучительно. И если уж совсем честно, то неизвестно, что еще было лучше: самому передавать товар или вот так ждать.

- Ты на хату уже насобирал?

Витя недоуменно смотрит на друга — он задумался и не сразу понял суть вопроса.

— Что? А, нет, то есть, да. Но у Ленки появилась идея строить дом. Не очень большой, но все равно, это дороже.

- Понятно.
- А чего ты спросил?
- Просто. Я, наверное, завтра или после завтра поеду машину смотреть.
- Хорошо тебе.
- Не лучше, чем тебе. Меньше пьянствовать нужно, давно бы построил свой дом.

— Ой, вот чья бы корова... Кстати, двенадцать тридцать четыре.

— Вижу. Сейчас позвонит.

— Скорей бы. Надоела мне эта нервотрепка.

Вова промолчал. Иногда они позволяли себе предположение, что наступит время, и они завяжут. Но, здраво рассуждая, кто их отпустит? Если уж ты попал в этот бизнес...

— Двенадцать тридцать семь.

— Не нервничай.

— Я не нервничаю, просто констатирую факт.

— Надеюсь, он не забудет позвонить.

— Я тоже надеюсь.

— А я припоминаю, как кто-то когда-то пошел купить пирожков вместо того чтобы сделать звонок.

— Я опоздал всего на пять минут, а вони...

— Сейчас тоже пять минут.

— Уже шесть.

— Да, шесть, — Витя опрокинул чашку, допивая остатки черной жидкости, и резко встал. — Это уже много.

— Может, батарея села?

— Нет, я вчера два раза ему напоминал.

— Тогда ждем.

— Ждем, что еще остается? И перестань вертеться, меня этот скрип за...

— Ладно.

В двенадцать пятьдесят стало ясно, что что-то случилось.

— Может, машина сломалась?

— Позвонил бы.

— Мобилку спиз...

— Из автомата бы позвонил.

— Ну...

— Хватит, Вова. Я пойду, позвоню, а ты сиди здесь.

— Мама, это я.

.....

— Все в порядке, просто мне надо срочно уехать.

.....

— На несколько дней. Все, не переживай, пока.

.....

— Нет времени, пока.

Витя вышел из магазина, перешел дорогу и направился к бару "Семь футов". Внутри играла спокойная ненавязчивая музыка, посетителей не было. Он подмигнул симпатичной Леночке за стойкой и показал на телефон. Девушка с готовностью кивнула, Витю здесь хорошо знали.

Он набрал номер, послушал, потом еще раз набрал. Абонент вне досягаемости. Черт, что же случилось? Замели? Менты не отключат мобилку, напротив будут фиксировать звонки. Витя рассеянно кивнул Леночке и вышел. Так же, погруженный в свои невеселые размышления, начал переходить дорогу и вдруг остановился как вкопанный: возле магазина стоял черный BMW. Витя оглянулся, убедился, что его не засекли, и спрятался за газетный киоск. Пускай Вова сам говорит с Меченым.

Через четыре минуты из магазина вышел высокий крепкий мужчина в черном плаще и сел в машину. Витя подождал, пока BMW скроется за поворотом, потом пошел в магазин. Вова сидел на телефоне, лицо потное от возбуждения.

— Пока ты звонил, — быстро сообщил он, — приезжал Меченый.

— Ну и что?

— Что, что, х... через плечо, Сашка взял товар и пропал.

Витя присвистнул.

— Да. Ты дозвонился ему?

— Нет, абонент вне досягаемости.

Вова опустил трубку:

— Слушай... Он же не... кинул нас?

Витя пожал плечами:

— Не должен. Случилось что-то.

Вова снова поднял трубку.

— Да, да, Алла Сергеевна.

.....

— Да, нет я не молчу, это телефон барахлит. А Саша не знаете где?

.....

— В командировку?

.....

— Нет, не знаю, может Витя...

.....

— Да, спасибо, до свидания.

Вова опустил трубку на рычаг. Вид у него был убитый.

— Он позвонил матери, сказал, что едет в командировку.

— Вот сука, — Витя сел на стул, достал сигареты, закурил. — Как же он? Мы же в одном классе учились.

— Слушай, а на сколько там товара?

— Тысяч на тридцать, ну, тридцать пять от силы.

— Дай сигарету. Что делать будем?

— Что делать... Позвони Кириллу, пусть поищет нашу "короллу".

— Хорошо. А Меченому?

— Пока не будем.

— А может, лучше скажем? Он быстрее найдет его. Пока не поздно.

— Ты что, идиот или притворяешься?! — Витя бросил сигарету на пол. — Кто его сейчас найдет? Он в любом направлении... Черт, дай телефон.

— На.

— Алло, Лена. Слушай, я не приеду на обед сегодня.

.....

— Ну не получается. И вечером мы, наверное, к Козе не пойдем.

.....

— Я понимаю, что день рождения. Хочешь — иди сама! — он бросил трубку и посмотрел в окно. — Повесь "Переучет", слышишь, Вова.

— Нет, Гриша! Христом Богом!!

— Давай, — голос сух, бесстрастен.

Газовая горелка приближается к Вовкиному животу. Он, с округлившимися от ужаса глазами, смотрит на желтое дрожащее пламя. Огонь приближается. От боли резкой, прожигающей все тело боли Вовка бьется об пол, кричит... Наконец горелка плывет в сторону. Через некоторое время боль немного отходит. Сквозь слезы Вовка видит, как к нему склоняется небритое Гришино лицо:

— Ну что, Вова, колись.

— Гриша, я клянусь, я тебе мамой клянусь. Я не знаю, где эта сука.

Гриша внимательно смотрит на толстое, красное от слез лицо. На нем отчаяние и мольба.

— Самое страшное, Вова, что я тебе верю. Верю. Но мне нужно знать точно, что ты не знаешь. А смогу я это узнать только когда ты сломаешься. Только тогда я смогу сказать точно, что ты чист, — он поворачивает голову и говорит в сторону. — Давай.

Пламя приближается к темно-красной обожженной коже, Вовка кричит, бьется об пол... Когда вместо крика он стал скуливать, совсем как щенок, Гриша достал мобильник.

— Это я. Он не знает.

Витя сидит на стуле, смотрит на левую ладонь, точнее туда, где когда-то был мизинец. Рука дрожит.

— Ну, что, Витя, — он поднимает голову, лицо с узким ровным шрамом под правым глазом бесстрастно. — Вова чист, ты тоже, считаем, чист.

— Я же говорил...

— Ты молчи, ты слушать должен. Ответить все равно надо. Он, — Меченый кивает вверх, — не хочет, чтобы кому-то еще раз в голову пришла мысль кинуть его. Ты понял?

Витя судорожно кивает:

— И что?..

— Получишь срок. Ограбление обменника месяц назад помнишь?

Витя опускает голову:

— С огнестрельным... А не боитесь, что я лишнее брякну?

— Нет, Витя. В ментуре много нераскрытых дел. Тех, кто девчонку в подъезде изнасиловал три года назад, так и не нашли.

Витя закусывает губу, смотрит в сторону.

— Это, не говоря о том, что у тебя семья...

- Валик, здравствуй.
- Кто это?
- Это я, Саша.
- А, привет.
- Привет, я по-быстрому, как там мама?
- Нормально.
- Не болеет?
- Нет.
- Ну хорошо, пока.

В квартире накурено. С непривычки от трех рюмок Витя захмелел. Справа сидит Ленка, смущенно улыбаясь, каждый раз, когда муж смотрит на нее. Она чувствует себя неуверенно. Эти пять лет она не была пай-девочка. Но в поведении тех мужчин чувствовалась какая-то торопливость, даже вороватость, что ли. Понимали, что не свое. И вот первый раз за это время ее обнимает сильная рука, чувствующая свое право. Даже раньше он так уверенно себя не вел. От этой силы сладко замирает сердце. Она ждет не дождется, когда все уйдут, но это нескоро — веселье в самом разгаре. Если это можно назвать весельем.

Слева от него мать. Глаза испуганные — ей все время кажется, что сейчас он куда-то уйдет, исчезнет, поэтому она крепко держится за его рукав. Напротив пацаны: Дима, Леха, Чебан. Еще дальше — дядя Петя, тетя Маша, Вовкины родители.

- Витя, — тетя Маша смущенно улыбается, — как там Вова, не болеет?
- Все нормально, тетя Маша, — кривится Витя, — здоров.
- Незачем ей знать, что у Вовки отбиты легкие, и вряд ли он долго протянет.
- А за что же ему добавили, — в ее голосе горечь, — Витя?
- За драку, тетя Маша.
- Он никогда раньше не дрался, — она всхлипывает.

Витя опускает голову, а когда поднимает, глаза его горят нехорошим, злым огнем.

— Я хочу поднять следующий гост, — Витя говорит тихо, но шум в комнате мгновенно затих, — за ту тварь, имя которой говорить не хочу. Я знаю, что он шхерится и будет шхериться до самой смерти. Потому что я прощать не собираюсь. Те бабки, что он взял, не принесут ему удачи. А он... пусть живет долго и боится...

- Алло, Валик?
- Привет.
- Как мама?
- Ничего, нормально.
- Не болеет?
- Ноги опухают, ходит с трудом, а так ничего.
- Понятно.
- Как вообще у вас?
- Ничего.
- Ну, хорошо, пока.

Саша повесил трубку. Некоторое время рука висела над диском, колеблясь набрать домашний номер, поговорить с мамой. Вероятность того, что его засекут, мала... Но нет, не стоит. В конце концов, что он ей скажет?

